

Александр Фёдоров: «Мое главное достижение в том, что мне не о чем сожалеть»

ОТ РЕДАКЦИИ: ПИР-Центр продолжает знакомить вас с теми, без кого мы не были бы ПИРом – нашими коллегами и друзьями, экспертами, которые внесли весомый вклад в дело становления и развития нашей организации на различных ее этапах. Сегодня у нас в гостях – доцент МВТУ имени Баумана, член Экспертного совета ПИР-Центра **Александр Валентинович Федоров**, которого с ПИР-Центром связывают два десятилетия плодотворного сотрудничества и дружбы. Когда-то, в уже далеком 2001 году, он выступил соредактором коллективной монографии «Информационные вызовы национальной и международной безопасности», которая вышла в серии «Библиотека ПИР-Центра» и с огромным интересом была встречена во всем мире. Тогда эта работа заложила основу для программы ПИР-Центра в области глобального управления интернетом и международной информационной безопасности.

Сайт ПИР-Центра сообщает об Александре Федорове скупко: «Кандидат физико-математических наук. После окончания учебы в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова работал в учреждении государственного аппарата. Занимался проблемами разоружения и нераспространения ОМУ. В последнее время ведет активную научную и практическую деятельность в сфере международной и информационной безопасности, а также борьбы с международным терроризмом. Редактор и соавтор монографий «Информационные вызовы национальной и международной безопасности» и «Супертерроризм: новый вызов нового века». Член Экспертного совета ПИР-Центра с 2001 года». Что ж – насколько это позволительно – познакомимся поближе.

Швейная машинка – родом из детства

Многим обязан своей школе – дух уважения к школьникам и стремления к знаниям был заложен именно там. Мое детство было в меру спокойным, дома не поджигал, но нервничать родителям иногда приходилось. Всего один раз убежал. Но не из дома, а в лагерь! Ходили в лес за грибами, за цветами. В школе было две смены и вторую смену до определённого момента не пускали – в вестибюле собирались и ждали. В какой-то момент мы стали дуться на шапках. Шапки были хорошие, наши, их добротной кожи – и врезать можно было и тепло, не то, что сейчас – китайские. Так вышло, что я вел бой один против десятка одноклассников. В итоге всех пропустили, а меня завуч увела в кабинет – почему-то она посчитала, что я нарушал порядок.

Помню была дискуссия между учительницей и учениками третьего класса – обсуждали кто кем станет. Мне сказала, что я буду заниматься математикой или чем-то в этой области. У этой же учительницы научился не только забивать гвозди и делать табуретки, но и пришивать пуговицы, шить элементарные изделия, например, фарук, который я использовал уже будучи главой своей семьи. У меня дома швейная машинка только в моих руках, супруга даже не знает как к ней подойти.

Вообще сегодня создается такое ощущение, что раньше московское общество было более гуманитарным, более обращено к человеку, в частности к ребенку. Когда мы были маленькими, нам говорили: бегите к первому попавшемуся взрослому и он вас защитит. А теперь: ни в коем случае не подходите ни к какому взрослому. Почему 60 лет назад любой взрослый стал бы на защиту ребенка, а сейчас нет?

Кубинка – это второй Париж

За свою жизнь построил три дома своими руками. На даче всю жизнь наблюдаю нашу авиацию, которая летает над головой и поливает меня керосином, а порой от ночных полетов и уснуть невозможно. Считаю, что Кубинка – это второй Париж. Боюсь, только что все быстро кончится, урбанизация – это бич Московской области.

Дача – это природа, свобода, настоящая жизнь. В пионерлагеря даже не ездил. Умолял родителей, что буду сидеть под замком, не выходя из участка – но только не в лагерь! Ходили в лес за грибами, за цветами. Помню, просыпаюсь в 11 часов, а на крыльце уже бидон с молоком стоит. Вечером костры, гитары, пение, игры разные. Приемники приносили, танцы были. И небольшие драки с соседними поселками. Но поскольку я был спортсменом, то пользовался уважением у криминализированных представителей своего поколения. Хотя зубы выбивали.

Приходит опер и уводит всех в участок

В милицию попал однажды. На даче недалеко от поселка построили железную дорогу, а поезда пустили только через пять лет. Отличное было место для гуляний, почти как в Баден-Бадене. Можно было по шпалам идти, писать записки известняка на рельсах ржавых. Все рельсы были испианы! А такая известняком... естественно, между мальчиками и девочками. Писали эвфемизмами, чтобы адресат все понял, а другие – претензий чтобы предъявить не смогли. Эта ветка железнодорожная проходила по мосту. Очень интересно было стоять на мосту, смотреть как проходит поезда, да еще и камень бросить, но не в поезд, конечно. В итоге кого-то на чем-то поймали, а может просто решили провести профилактическое мероприятие. Тогда мы все сбежали, перепугались. В один прекрасный день приходит опера, собирает всех мальчишек, кого застал и уводит в участок. Слава богу, родителей не было. Просидели в отделении часов пять. Конечно, заложили все друг друга, со всем согласились, хорошо, хоть подписывать не заставили.

Закуска-то – один огурец

Два моих друга детства были на год меня старше. Когда они поступили в университет мы устроили день студента. Пошли в магазин, взяли водки – две бутылки нам показалось мало, взяли еще бутылку абельсинового ликера. Как я пришел домой – не очень хорошо было. Но бабушка моего друга все никак не могла понять, почему его майка поверх свитера была одета. А это мы купаться на речку ходили. Закуска-то была – один огурец, никак ведь дома не объяснишь куда закуску берешь.

За одно мне стыдно до сих пор. Летом после первого курса я попал в оперотряд на месяц в качестве практиканта. В общежитии произошла массовая драка между геологами поступившими и непоступившими. Все напились – кто с горя, кто с радости – и началось. Нас вызвали – приехали. Но мы задержали и продержали ребят, которые пришли с бутылкой вина в общежитие вечером отпраздновать, отметить окончание. А в университете же сухой закон. Совесть до сих пор мучает, я сам бы с ними с удовольствием выпил.

Никаких барьеров не чувствовали

Университет, в частности московский – это дискуссионный клуб. И с профессорами, и между собой мы говорили абсолютно любой языком, хотя это было начало 70-ых годов, закат брежневской эпохи, новая конституция... Проект новой конституции ругали в пух и прах – никаких барьеров мы не чувствовали.

Благодаря диску Тухманова стал увлекаться древней поэзией. Узнал кто такая Сафо – книжки потом читал. Полюбил русские хоры. Самое простое – слушать хоры в церкви. В школьные годы я знал все церкви и знал все хоры. Наводил справки какие хоры имеет смысл слушать, какие нет. Прекрасно знал, что в Лужниках поет хор Большого театра.

Любовь проснулась в сердце, я сам не знаю как

В университете была любовь большая, на пятом курсе я женился – «Мы жили по соседству, любовь проснулась в сердце, я сам не знаю как».

На госслужбу пошел параллельно с наукой. Я был женат – надо было семью прокормить. Распределили параллельно с наукой, что мы выбирали куда нам идти. У каждого было точно по полдюжины предложений. Уже на 4 курсе многие знали куда они пойдут работать. Меня мой выбор вполне устраивал, это была большая честь. Я шел по специальности – наукой заниматься мне никто не мешал. Затем изменил свой профиль, мне было очень тесно в научно-исследовательском центре. Но вскоре я понял, что мне интересно не только создавать, но и доводить это до самого конца – стал заниматься вопросами реализации и продвижения. Благодаря подходящим внутренним качествам очень быстро втянулся в процесс использования этих систем.

Политика меня захватила

А дальше произошло примерно как в фильме Герасимова *Журналист*: «политика меня захватила». Настоятельно рекомендую – очень умные разговоры, интересные артисты. Фильмы Герасимова – они для среднего класса, для научно-государственной интеллигенции, для тех, кто задумывался не над формой, а над содержанием.

– *Между надеждами и результатами еще изрядная дистанция. Не всегда удается человеку это пройти. Намерений много, но жизнь коротка.*

– *Человек в моем понимании значительно сложнее, чем ваш созданный.*

Алексей Петрович Колесников и Анни Жирардо, фильм «Журналист», 1967 г.

– *Страсть и сильные движения души разве не приближают человека к свободе, к свету, к красоте?*

– *Да, искусству нужны преувеличения, потрясения. Но к потрясениям тоже привыкают. И тогда нужны еще большие потрясения. И так до безумия. А безумный человек не способен понять, где красота, а где уродство, где грязь и чистота.*

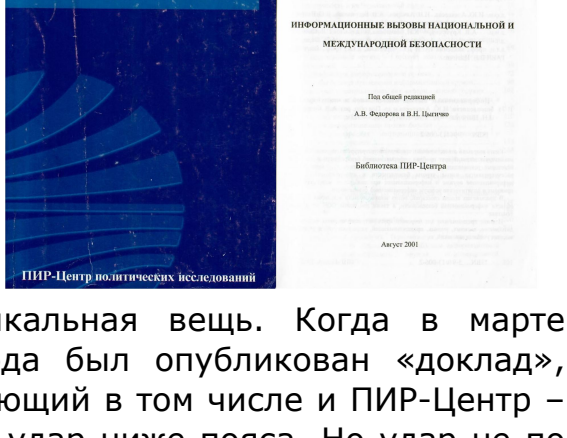
Анни Жирардо и Ольга Сергеевна Панина, фильм «Журналист», 1967 г.

Затем стал заниматься вопросами, которые требовали моего университетского образования, в том числе информационной безопасности. Соединение моего университетского образования, мировоззрения математика и политического видения – оказалось уникальным для информационной безопасности в 90-е годы. Поэтому тогда так сложилось, да и до сих пор, без личной скромности, что я являюсь одним из ведущих специалистов в политических спектах информационной безопасности. Такого сочетания философского видения – благодаря супруге – и математических знаний, практически нет.

В то время начали рассекречивать работы по информационной безопасности, и в Штатах, и у нас стали это дело обсуждать. Тогда же я начал на эту тему публиковаться, а затем и принимать участие в переговорном процессе. В информационную безопасность вошел уже как самостоятельный эксперт.

Дима Евстафьев – сын моего начальника.

Я работал непосредственно под началом Геннадия Михайловича Евстафьева. Дима был у истоков, одним из основателей ПИРА. Его отец был одним из моих учителей, на него я смотрел снизу вверх с открытым ртом. Соответственно, все мидовские работы, переговоры, все мидовские работы, очень благодаря Геннадия Михайловичу. Очень многим ему обязан. На информационную безопасность он меня и подтолкнул. И про ПИР он мне рассказал. Мол, Дима там, Орлов управляет...

Не досужие домыслы ученых

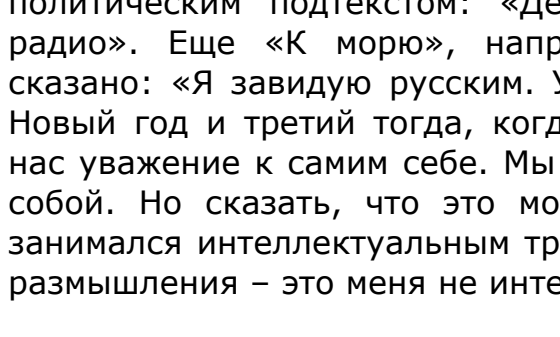

Тот проект [проект по международной информационной безопасности, выросший затем в Программу ПИР-Центра по МИБ и глобальному управлению интернетом – ред.] не просто так родился. Даже не проект, а скорее постановочный стартап. Надо было показать, что это вовсе не досужие домыслы ученых, что на кону действительно вопросы безопасности государств и мирового сообщества в целом. Собрали с Цыгичко [Виталий Цыгичко – соавтор и соредактор А.В. Федорова по коллективной монографии «Информационные вызовы национальной и международной безопасности», вышедшей в серии «Библиотека ПИР-Центра» в августе 2001 года – ред.] людей, которые представляли собой и научное сообщество, и государственное, вплоть до Совета безопасности РФ.

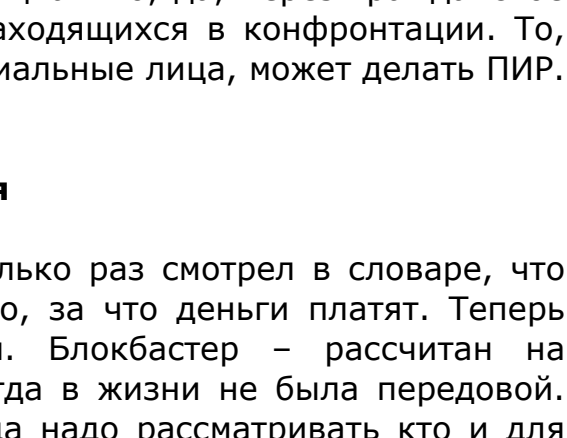

Книга по-прежнему актуальна. Настолько, что ее можно и сейчас, доработав, переиздать. Она бы имела очень широкую аудиторию. Даже более широкую, чем первое издание.

То, что не могли официальные лица, может делать ПИР

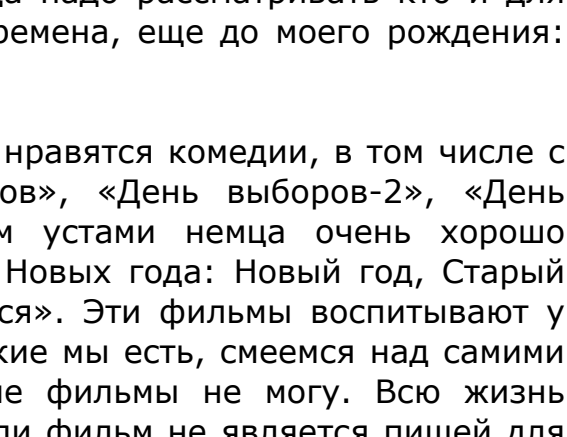

ПИР – это уникальная вещь. Когда в марте 2014 года был опубликован «Доклад», критикующий в том числе и ПИР-Центр – это был удар ниже пояса. Но удар не по ПИРУ даже. А по всей работе гражданского общества в сфере нераспространения. Можно даже так сказать: это был удар по всему гражданскому обществу России.

Неправительственных организаций такого рода как ПИР-Центр больше не существовало и не существует сейчас. Причем все признали, что выводы «доклада» были ошибочными.

ПИР-Центр – это шаг вперед в развитии российского общества. Это когда на обсуждение выносятся самые острые вопросы безопасности. И в документальном плане, и в виде докладов результаты общественного доклада до вышних политических кругов всех стран, в первую очередь России и США. ПИР-Центр был сформирован не только как дискуссионная площадка, но и как мостик, который позволяет связывать – да, неофициально, да, через гражданское общество – политические круги стран, находящихся в конфронтации. То, что не могут общаться между собой официальные лица, может делать ПИР. И это бесценно.

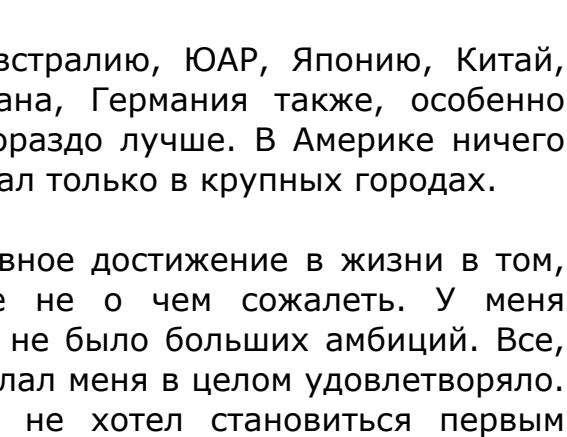

Теперь искусство деньгами измеряется

В киноискусстве разбираюсь мало. Несколько раз смотрел в словаре, что же такое блокбастер. Оказывается, это то, за что деньги платят. Теперь искусство вообще деньгами измеряется. Блокбастер – рассчитан на массовую культуру, а масскультура никогда в жизни не была передовой. Это для отдыха. Или пропаганда, но тогда надо рассматривать кто и для чего. Как говорили в старые советские времена, еще до моего рождения: «на чью мельницу льют воду».

Из современных фильмов мне в основном нравятся комедии, в том числе с политическим подтекстом: «День выборов», «День выборов-2», «День радио». Еще «К морю», например. Там устами немца очень хорошо сказано: «Я завидую русским. У них три Новых года: Новый год, Старый Новый год и третий тогда, когда захочется». Эти фильмы воспитывают у нас уважение к самим себе. Мы видим какие мы есть, смеемся над самими собой. Но сказать, что это мои любимые фильмы не могу. Всю жизнь занимался интеллектуальным трудом и если фильм не является пищей для размышления – это меня не интересует.

К любимым я отношу: фильмы Ромма, Герасимова, соответственно, «Десять дней одного года», «Журналист», «Любить человека», «Все остается людям», фильмы Тарковского, но не все. Считаю, что «Иваново детство», и «Андрей Рублев» уже ушли, они были очень хороши для своего времени. Тарковский – это была дань времени. Очень сильный фильм, который я бы выделил – «Иди и смотри». Такого уровня фильмов, в том числе про войну, больше не было.

Ищу не информационную, а эстетическую составляющую

В книгах в последние годы меня, к сожалению, интересует не сюжет, а язык. Ищу не информационную, а эстетическую составляющую. Но сейчас с этим очень трудно, поскольку книга требует большого количества читателей. А если писать языком Сумарокова, не буквально, конечно, это значит резко суживать круг читателей.

У жены был великолепный французский язык. Она закончила ведущую московскую французскую спецшколу и потом всю жизнь работала с французским языком. Я учил французский в школе, потом в университете перешел на английский. Когда учил французский, насаждал на жену – помогаю. На что она мне: «Я портишь свой французский с тобой не собираюсь». В итоге мне все французски говорили: «У Вас очень хорошее французское произношение и вообще Вы говорите на классическом французском. Правда, мы так не говорим».

Не о чем сожалеть

Я объездил почти весь мир, включая Австралию, ЮАР, Японию, Китай, Канаду. Франция самая интересная страна, Германия также, особенно горные массивы. Но люди в Германии гораздо лучше. В Америке ничего особенно для себя не увидел. Правда, бывал только в крупных городах.

Мое главное достижение в жизни в том, что мне не о чем сожалеть. У меня никогда не было больших амбиций. Все, что я делал меня в целом удовлетворяло. Никогда не хотел становиться первым лицом и не стремился к доминированию.

Я внес определенный вклад и теперь передаю это студентам. Ведь когда преподаешь – мировоззрение тоже передаешь. Доволен тем, что завершаю свою карьеру в студенческой аудитории. Хотя, к сожалению, не вижу прогресса в интересах студентов. Ребята сегодня очень умные, слишком целеустремленные, но в большинстве своем с зауженным подходом к интересам. Вспоминаю Козьму Пруткову: «узкий специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя». Растет поколение высокоразвитых, но односторонних специалистов. Я же учу людей пониманию того, что чем они занимаются в технике, имеет выходы политические. В обществе нет ничего с обществом не связанного.

Интервью: Юлия **Цешковская**
Редакторы номера: Юлия **Цешковская**, Владимир **Орлов**
Фото: из архива ПИР-Центра (с) 2001-2008